# ВОСПОМИНАНІЯ О ТОМСКОЙ ГИМНАЗІИ.

(Къ 50 лѣтнему юбилею томской гимназіи посвящаетъ ученикъ ея).

Какъ горько-бъ юность не протла
Въ тяжелыхъ испытаньяхъ,
Но сохранимъ ее, друзья,
Въ святыхъ воспоминаньяхъ!

*Эпиграфъ.*

## I.

Не одинъ изъ томичей пробовалъ возобновить воспоминанія о томской губернской гимназіи и ея положеніи въ 50-хъ годахъ, но я помню особенно вѣрный очеркъ, помѣщенный въ «Сибирской Газетѣ» въ первый годъ ея изданія. Я съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ этотъ очеркъ, который возстановилъ и въ моемъ воспоминаніи старый забытый образъ патріархальной гимназіи, также близкій моему сердцу. Онъ такъ забавно смотрѣлъ, такъ привѣтливо кивалъ мнѣ изъ своего старушичьяго чепца, что заставилъ невольно улыбнуться и согналъ на минуту глубокую жизненную печаль и меланхолію съ грустнаго лица моего, освѣтивъ эту печаль огнемъ иронiи. Достоинство указанныхъ воспоминаній, простота, правдивость и безпритязательная искренность. Благодаря этому, очеркъ, посвященный старому быту нашей гимназіи г-номъ П. Б. (не Буткеевымъ-ли?), правдивѣе и ближе къ жизни, чѣмъ подобная попытка весьма даровитаго нашего сотоварища, питомца томской гимназіи, впослѣдствіи извѣстнаго писателя Кущевскаго *). Кущевскій, какъ извѣстно,

*) Кстати, полезно, чтобы кто-нибудь изъ товарищей Кущевскаго по гимназіи посвятилъ нынѣ воспоминаніе его пребыванію въ гимназіи и первымъ проблескамъ его литературнаго призванія; мы лично, не зная подробностей жизни Кущевскаго, могли только положить нѣсколько свѣжихъ цвѣтовъ на его раннюю могилу въ видѣ некролога, напечатаннаго когда-то въ газетѣ «Сибирь».

посвятилъ томской гимназіи нѣсколько страницъ въ своемъ извѣстномъ романѣ «Николай Негоревъ, или благополучный Россіянинъ»; къ сожалѣнію, эти воспоминанія перемѣшаны съ беллетристическимъ вымысломъ и искажены фантазіей. Въ нихъ попадаются, правда, знакомыя имена. Мой однокашникъ въ очеркахъ и картинахъ старой томской гимназіи изобразилъ наглядно тотъ хаосъ жизни, который здѣсь существовалъ, ту разнузданность, которой достигало юношество, онъ очертилъ также тѣ способы усмиренія гимназической демократіи, которые здѣсь практиковались. Въ этихъ воспоминаніяхъ фигурируютъ субботніе дни Ѳедора Афанасьевича, Павелъ Антоновичъ (сторожъ) съ своими аттрибутами, налеты и подкарауливанія инспекторомъ ученическихъ шалостей и должное возмездіе, карцеръ, въ которомъ нѣкоторые проводили дни, голодовки или моментальныя потрясенія въ видѣ перстня Александра Ивановича и т. п. Но эти усмиренія являлись налетомъ, расправа была жестокая, грубая, сѣкли учениковъ въ прежнія времена до 7-го класса и сѣкли, какъ сѣкутъ крестьянъ. Съ стиснутыми зубами и сжимающимся сердцемъ, я прислушивался къ гулу этихъ экзекуцій, но эта расправа не устрашала нашей демократіи *). Жизнь скрывалась въ своихъ нѣдрахъ, по прежнему шумѣли на площадяхъ, на ристалищахъ, въ циркахъ гладіаторовъ и на мѣстныхъ форумахъ. Мы пользовались внутренней свободой. Міръ инспектора, уродливыхъ учителей и надзирателей не существовалъ для гимназистовъ, онъ былъ смѣшонъ, или ненавистенъ. Это была внѣшняя власть, непользовавшаяся никакимъ нравственнымъ авторитетомъ. Въ этотъ міръ дѣлались только временами непріятельскія вылазки, которыя еще болѣе ожесточали надзирателей и педагоговъ и создавали между тѣми и другими бездну. Подъ гнетомъ инспектора, но среди распущенности и общаго стремленія къ независимости самостоятельной жизни нерѣдко учителя составляли заговоръ вмѣстѣ съ учениками, чтобы укрыться отъ надзора. Учителя садили учениковъ на окно караулить инспектора, а сами уходили пить водку и завтракать въ сторожку. Здѣсь въ заговорѣ противъ инспектора была цѣлая совокупность подчиненныхъ, чиновниковъ и служителей даже въ лицѣ Павла Антоновича, приносившаго водку. Личные интересы всѣхъ преобладали и

*) Что ужаснѣйшія экзекуціи не приносили никакой пользы и не оказывали устрашенія я уже убѣдился въ пансіонѣ П., гдѣ жестоко испоронныя дѣти кичились и хвастались геройствомъ, но не стыдились.

побороли внѣшнюю политику. Учительская бюрократія распускалась и деморализировалась, а не служила оплотомъ. Зато среди учениковъ формировался союзъ гонимыхъ и угнетенныхъ. При видимой разрозненности никто не смѣлъ выдать товарища, никто не смѣлъ жаловаться и переносить дѣло на аппеляцію инспекціи и начальства, зная, что здѣсь найдетъ только «шемякинъ судъ». Для товарищества должны быть приносимы всевозможныя жертвы. Въ первое-же время я испыталъ вліяніе этого союза и долженъ былъ выказать ему преданность самопожертвованіемъ. Разъ мой сосѣдъ Наумочка, весьма бойкій и изобрѣтательный, какъ чертенокъ, на шалости и штуки, пріятель сообщилъ мнѣ геніальный планъ непріятельской вылазки изъ нашего класса въ лагерь учителей. Въ нашемъ классѣ была дверь въ сосѣдній латинскій классъ, гдѣ въ перемѣну (промежутокъ между уроковъ) сбирались учителя. Въ двери оказалась щель, въ которую Наумочка подмѣтилъ, что дѣлается у учителей. Тамъ, прислонясь къ стѣнѣ, какъ разъ противъ щели, покоилась лохматая голова учителя Б..... Одна минута было сообразить слабую сторону непріятельской арміи. Наумочка находитъ перо, надкалываетъ его конецъ, дѣлаетъ изъ него удочку, и при помощи моей, запускаетъ его въ щель въ темную и густую гриву покоющагося льва, Запустивъ, онъ дернулъ изо всей силы. Въ одну секунду Наумочка вскочилъ на скамейку и изчезъ, а я остался съ катехизисомъ Филарета въ рукахъ у мѣста преступленія. Чрезъ минуту въ классъ влетѣлъ инспекторъ; въ дверяхъ предъ нимъ прошолъ Наумочка, почтительно поклонившись. Начался допросъ, но я не смѣлъ выдавать истиннаго виновника и пострадалъ: меня оставили безъ обѣда по подозрѣнію въ соучастіи по преступленію. Такъ формировался нашъ соціальный общественный союзъ. Здѣсь были, если мы припомнимъ, свои законы, обычаи, свои подвиги и герои, даже свои мученики. Міръ жизни слагался совершенно своеобразно подъ вліяніемъ внутреннихъ наклонностей, общихъ интересовъ среди демократическихъ и спартанскихъ нравовъ. Остановлюсь на этихъ нравахъ, такъ какъ они закаляли жизнь и давали ей нѣкоторое направленіе.

## II.

Въ нашей пестрой разнокалиберной, но единой, воспитывающейся подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій семьѣ, поражало и подавляло господство на первомъ планѣ физической силы, какъ единичной, такъ и коллективной. Она давала себя чувствовать во всѣхъ поступкахъ

и во всѣхъ сношеніяхъ. Это былъ мірокъ, похожій на звѣрьковъ, міръ зоологическій, дикарскій. Понемногу упражненіе этой силы и ея значеніе сформировались въ культъ. Силачи и подвиги силы пользовались уваженіемъ. Авторитетъ принадлежалъ сильнѣйшему. Если мы припомнимъ исторію поклоненія физической силѣ вообще въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ и ея обаяніе, точно также, какъ и осуществленіе принципа «право есть сила», то не будемъ удивляться проявленію этого инстинкта среди «дѣтей природы», какими мы были. Чѣмъ первобытнѣе человѣчество, чѣмъ ближе къ обществу дикарей, тѣмъ этотъ инстинктъ и поклоненіе физической силѣ проявляется рельэфнѣе. Онъ господствуетъ тамъ, гдѣ не выступили еще другія духовныя интеллектуальныя качества человѣческой природы и не получили предпочтенія предъ физической силой. Въ исторіи человѣчества физическая сила также играла огромную роль, ореолъ ея еще не исчезъ. Нѣкоторые соціологи посвящали свои изслѣдованія, какъ она вліяетъ подкупающимъ образомъ на понятія людей, какъ формируетъ понятія и искажаетъ представленія о справедливости. Я помню весьма остроумный соціологическій трактатъ, гдѣ племена раздѣлялись на мирныя и воинственныя и представлялась горькая судьба смирныхъ пастушескихъ и земледѣльческихъ племенъ подъ давленіемъ представителей силы и воинственности. Въ нашей средѣ первенство принадлежало также этой силѣ. Развитіе ея шло быстро. Физическая сила у гимназистовъ, совершенствуясь внутри заведенія, переносилась и внѣ. Гимназисты съ охотою ходили на бои—на «войнишки», существовавшія въ городѣ у мѣщанъ. Можетъ быть эта любовь къ боямъ и дракамъ перенеслась въ гимназію изъ мѣстной среды. Я помню, какъ съ восторгомъ разсказывались и описывались эти мѣстные бои, гдѣ «пески» состязались съ «кирпичами», или «заозерье» съ «зарѣчными». Это была иліада мѣстной жизни, воспитывавшая своихъ ахиллесовъ. Кто-бы могъ подумать, что «заозерье» и «кирпичи» болѣе вліяли на учебное заведеніе, чѣмъ мѣстные педагоги!

Плебсъ города вложилъ свои инстинкты въ дѣтей своихъ. Въ заведеніи совершался подборъ и соперничество физическихъ силъ, слабые и хилые оставались въ униженіи, это заставляло, однако, запасаться силой и ихъ, правда, слабому здѣсь много доставалось несправедливостей, жестокостей — я первый испытывалъ это, но противъ грубаго насилія часто въ этой же средѣ находился противо-

вѣсъ и защита. Странно, что я въ первые-же дни, подъ вліяніемъ физическихъ экспериментовъ надо мной товарищей пріобрѣлъ себѣ и защитника. Когда меня шпыняли и щипали, какъ маленькое беззащитное существо, одинъ видъ опрятности котораго возмущалъ демократическій вкусъ, въ это время меня взялъ подъ защиту одинъ изъ сильнѣйшихъ воспитанниковъ угрюмый и мрачный, котораго всѣ страшились и звали за его силу и мрачный характеръ Деръ-беромъ. Деръ-бера никто не смѣлъ тронуть, онъ могъ раздавить каждаго. Только временами онъ самъ себѣ устраивалъ истязанія, вѣшаясь на крючки и гвозди, прибитые по стѣнамъ, и дико рычалъ. Не знаю, почему онъ ко мнѣ почувствовалъ жалость. Я былъ весьма живымъ по характеру ребенкомъ, обладалъ наблюдательностію и способностію подмѣчать смѣшныя стороны. Я подмѣчалъ комическую сторону нашихъ ахиллесовъ-товарищей и пускался въ сатиру. За мою сатиру мнѣ жестоко мстили. Когда на доскѣ я рисовалъ меломъ каррикатуру на верзилу съ остроконечной головой долихоцефала, высовывающуюся изъ корчаги, ахиллесъ носилъ кличку «горшка», я вдругъ видѣлъ предъ собою красное, разгнѣванное лицо, а огромный кулакъ опрокидывалъ меня на полъ съ моею кистью и палитрой.

Разъ на меня налетѣлъ шалунъ и забіяка Санька и безъ всякой причины его желѣзный кулакъ впился въ мое тѣло. Маленькое тѣло мое изогнулось подъ вліяніемъ невѣроятныхъ страданій. Вдругъ я увидѣлъ нредъ собою фигуру Деръ-бера. Онъ подошолъ и однимъ движеніемъ руки, такъ отшвырнулъ Саньку, что въ рукѣ Деръ-бера остался клокъ разноцвѣтнаго сукна отъ Санькинаго вицмундира. Съ тѣхъ поръ мы сдружились съ Деръ-беромъ, я ему передавалъ свои впечатлѣнія, развлекалъ его разсказами, смѣшилъ, а Деръ-беръ былъ нѣженъ ко мнѣ, какъ къ маленькому звѣрьку. Впослѣдствіи я нашелъ въ той же средѣ болѣе интеллигентную дружбу и общество, но честную простую дружбу Деръ-бера я никогда не забуду. И такъ, въ той-же дикарской средѣ мы находили друзей, товарищей и любимцевъ. Мы даже умѣли дисциплинировать себя и нашими развлеченіями были не всегда «гладіаторскія зрѣлища», состоявшія изъ наваливанія кучи живыхъ тѣлъ посреди класса и «давленіе масла». У насъ былъ любимецъ товарищъ Николай Ивановичъ Н—умовъ, впослѣдствіи замѣчательный беллетристъ и писатель, будучи развитѣе другихъ, онъ много читалъ и обладалъ даромъ разсказывать. «Королева Марго», «Монсоро»,

«Три Мушкатера» составляли канву его разсказовъ, но также увлекательно онъ разсказывалъ иногда и историческія событія изъ прочитаннаго имъ аббата Милота. Когда надоѣдало «давить масло», мы садили его на столъ и цѣлымъ классомъ его слушали. Тогда среди буйной толпы слышно было, какъ пролетитъ муха. Мнѣ приходилось горько жалѣть впослѣдствіи, что наши наставники не обладали этимъ секретомъ сосредоточивать вниманіе.

Разнообразное демократическое общество изъ разныхъ слоевъ города, сидѣвшее вокругъ меня на скамьяхъ имѣло и еще свое взаимодѣйствіе и вліяніе. Впечатлѣнія жизни, кругъ пониманія его выносился изъ среды низшихъ классовъ и средняго общества, стало быть отличался плебейскимъ складомъ*). Жизнь этихъ дѣтей народа была богата опытомъ, они видѣли многое. Жизнь взрослыхъ была для нихъ не тайной и они сами участвовали въ ней. Это была жизнь грубой среды, но тѣмъ не менѣе цѣльная жизнь, съ ея нуждами, страданіями, радостями и печалями. Поэтому всѣ мои товарищи смотрѣли взрослыми. Я помню, что на меня такое-же впечатлѣніе производили крестьянскія дѣти. Правда, здѣсь слышалась масса разсказовъ и понятій, неподходящихъ къ дѣтскому возрасту, проявлялся грубый цинизмъ, рано проснувшіяся страсти. Извращенность взрослыхъ уже проникала въ дѣтскую среду и иногда потрясала, разрушала слабые организмы, но она-же подготовляла къ тайнамъ жизни и воспитывала извѣстную мужественность. У дѣтей развращенность являлась болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, всѣ были циники, грубы, но дѣтское цѣломудріе сохранялось во многихъ. Можетъ быть посторонній человѣкъ поразился-бы тѣмъ цинизмомъ, который царствовалъ здѣсь, но надо было много проницательности отличить напускное отъ дѣйствительной испорченности. Взрослые воспитанники, правда, дрались съ мѣщанами и отличались дебошами и драками въ предмѣстьяхъ. Иные шлялись по трактирамъ и не уступали въ поведеніи приказчикамъ, живущіе на квартирахъ своекошные компаніями пьянствовали, многіе были жертвою ужасныхъ пороковъ. Все это было. Но въ тоже время многихъ не коснулось растлѣніе въ самой горькой школѣ бѣдности. Замѣчательно, что въ этой средѣ, гдѣ добро и зло имѣли одинаковое

*) Были ученики, которые въ свободное время торговали въ лавкахъ, на базарѣ, даже былъ одинъ, который самостоятельно торговалъ лошадьми, были въ гимназіи и дѣти ссыльно-поселенцевъ.

дѣйствіе, я замѣтилъ, что порча и развратъ привились болѣе всего не къ бѣднякамъ, не къ плебеямъ, а къ дѣтямъ состоятельныхъ классовъ. Настоящіе баричи, дѣти золотопромышленниковъ, купцовъ, состоятельныхъ чиновниковъ выходили развращеннѣйшими; они, такъ сказать, были болѣе расположены всасывать всякій ядъ и падали его жертвами. Можетъ быть это обусловливаетъ гибель и вырожденіе извѣстныхъ классовъ. Плебсъ оказывался болѣе защищенъ отъ него своею крѣпкой, здоровой натурой, отсутствіемъ роскоши и своей трудовой жизнею. То, что извѣстно было однимъ съ малолѣтства и дѣлало ихъ равнодушными, то для другихъ было запретнымъ плодомъ. И такъ жизнь намъ рано раскрыла свои тайны.

Демократическая среда гимназіи воспитывала равенство. Дѣти тузовъ и богачей не пользовались никакими преимуществами; еслибы они вздумали кичиться происхожденіемъ, или состояніемъ, они-бы получили жестокій урокъ отъ замарашекъ и плебеевъ-силачей. Простота и бѣдность пользовались правомъ первенства. Мы научились уважать въ этой средѣ только собственныя достоинства и нравственныя качества. Хорошій товарищъ, хорошій ученикъ уважался, къ какому-бы онъ сословію не принадлежалъ. Вторая стадія нашего развитія заставила понять и полюбить душевныя качества, умъ и отдавать честь способностямъ. Не смотря на то, что я принадлежалъ къ дѣтямъ состоятельныхъ родителей и привыкъ къ другой средѣ, я помню свое уваженіе къ поступившему одновременно со мною бѣдняку Л. Я его встрѣтилъ за экзаменаціоннымъ столомъ въ мундирѣ солдатскаго сукна. Онъ былъ сынъ мѣщанина. Дома онъ ходилъ, говорятъ, въ драномъ халатѣ и туфляхъ на босую ногу, вицъ-мундиръ прятался. Такъ постунали въ гимназію многіе. Онъ былъ отличный ученикъ и впослѣдствіи я встрѣтилъ его въ петербургскомъ университетѣ. Всѣ изъ моихъ друзей дѣтства были совершенные бѣдняки, но я любилъ ихъ и уважалъ до глубины души. Впослѣдствіи университетъ и братская жизнь вмѣстѣ закрѣпили нашу дружбу.

Да, эта грубая плебейская среда имѣла много симпатичныхъ сторонъ: я полюбилъ здѣсь народъ, нашу «чалдонократію», какъ мы ее впослѣдствіи окрестили. Эти инстинкты равенства, наложенные школой, это уваженіе честной бѣдности и поклоненіе труду и таланту, откуда-бы онъ не выходилъ, облегчили воспріятіе впослѣдствіи общечеловѣческаго идеала. Среди тяжелой обстановки нашей школы мы сплели нечаянно прекрасный душистый вѣнокъ нашей юности.

## III.

Старая гимназія, какъ не суровы были ея нравы, не могла убить въ насъ чувства свободы, а окружающій просторъ и сибирская природа запечатлѣла на насъ свое вѣяніе. Освобождаясь отъ класса, мы были свободны дѣлать, что угодно и въ гимназіи, и дома. Каждый пользовался свободой по своему. Часть злоупотребила ею и была наказана горькими уроками жизни. Для большинства она была благотворна. Мы развивали свои силы, способности, свою наблюдательность и впечатлительность. Предъ нами открывался прекрасный міръ для наблюденій и наслажденій. Вырываясь изъ классовъ и душныхъ комнатъ, мы рѣзвились, какъ молодые олени.

Помню конецъ экзаменовъ. Гурьба гимназистовъ снѣшитъ на берегъ прекрасной Томи и бросается въ ея холодныя освѣжающія воды; эти воды какъ-бы смываютъ всѣ заботы: забыты учебники, экзамены, все такъ туго набиваемое въ послѣдніе дни точно испаряется, тяжелое выжидательное чувство опасенія, страхи смѣняются чувствомъ покоя и предвкушеніемъ будущей воли и отдыха. Ослѣпительно сверкаетъ солнце, ясное и прекрасное небо растилается безбрежной синевой, стоитъ надъ нимъ неподвижное, бѣлое пушистое облако, изумрудной гладью сверкаетъ вода, а тамъ виднѣются вдали прекрасные, покрытые молодою зеленью острова Томи. Послѣ обѣда — на рыбалку. Шныряютъ по Томи и Ушайкѣ маленькія душегубки, «облазки», съ отпущенными на волю гимназистами, нѣкоторые изъ нихъ съ огромными иногда солдатскими ружьями, которые носили названіе у насъ «аркебузовъ» спѣшатъ на луга «охотиться», сирѣчь стрѣлять куликовъ. Цѣлые таборы юношей около извѣстныхъ «толчеекъ» на Томи разложили костры и идетъ шумное дѣтское веселье. Огромная лодка отплываетъ на острова со всевозможными запасами, она наполнена маленькими людьми, которые учатся грести, но весла плохо дѣйствуютъ въ дѣтскихъ рукахъ. Вотъ лодка засѣла въ камыши, долго возятся гимназисты, пока не подоспѣетъ другая, на которой правитъ рулемъ діаконъ со взрослыми семинаристами, распѣвающими стихиры, засѣвшій фрегатъ берутъ на буксиръ. Кончается все хохотомъ, пѣснями и громкимъ, подобнымъ эхо, гоготаньемъ діакона. Вечеръ. Золотится заря надъ утопающими во мракѣ островами, сладко рокочутъ на нихъ соловьи, нылаетъ яркій костеръ и шаловливый выстрѣлъ

освѣщаетъ фейерверкомъ искръ наступающій мракъ. Тихо выплываетъ луна, а соловьи слаще и слаще рокочутъ, вѣетъ и ароматомъ свѣжихъ травъ, и вечернею прохладой; усталые, но надышавшіеся свѣжимъ воздухомъ гребцы спѣшатъ домой, гдѣ опускается на нихъ сонъ, сладкія грезы осѣняютъ маленькую, раскидавшую золотыя кудри голову. И цѣлое лѣто идетъ эта жизнь среди природы. Гимназисты блуждаютъ по лѣсамъ, на пасѣкахъ и покосахъ. Темные кедровые лѣса колышатъ своими вершинами, шумятъ ели, внушая благоговѣніе, а тамъ высокія сибирскія травы и яркія цвѣты съ желтой сибирской лиліей, душистый медъ, балаганъ пасѣчника, разсказы о медвѣдяхъ, о разбойникахъ—канва для романтизма юной души. Другимъ выпадаютъ на долю цѣлыя путешествія. На огромныхъ дрогахъ или волокушахъ ѣдетъ цѣлая ватага гимназистовъ въ Барнаулъ, Бійскъ, Кузнецкъ, Красноярскъ, Енисейскъ. Иные спѣшатъ къ роднымъ на пріиски черезъ тайгу и сибирская природа открываетъ по-немногу предъ ними свои таинственные чарующіе уголки. Вотъ они безконечные, глухіе дѣвственные лѣса. Вонъ синѣющія горы съ снѣжными бѣлками, Кузнецкая чернь и роскошная растительность южныхъ луговъ. Что открывается сибирскому юношѣ, то не всегда встрѣчаетъ европейскій путешественникъ. А между тѣмъ эта величественная природа такъ близка, такъ знакома. И всѣхъ приласкаетъ эта природа, всѣхъ оживитъ. Широкою, полною грудью запасешься здѣсь, какъ-бы на цѣлую жизнь воздухомъ и никогда нигдѣ не забудешь этого таинственнаго шопота лѣсовъ, этой безконечной дали, этого величественнаго шума гигантскихъ родныхъ рѣкъ. Говорятъ, что сибиряки угрюмы, сухи и неспособны чувствовать красоты природы, это едвали такъ. Что дѣлаетъ жизнь впослѣдствіи, это другой вопросъ. Но я замѣчалъ въ душѣ моихъ товарищей и земляковъ неизгладимую печать этой природы, подъ вліяніемъ ея слагались нѣжныя чувства и истинное стремленіе къ прекрасному, котораго такъ добивался добрый «Пашенька» (учитель словесности, подъ этимъ псевдонимомъ помѣщавшій стихотворенія въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»). Мѣстная природа посоперничала съ нимъ. Что эта природа и ея красоты производили впечатлѣнія, въ этомъ я убѣдился, когда разъ прочелъ въ нашихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» полное поэзіи описаніе вечера на «Басандайкѣ». Къ удивленію моему написалъ его одинъ изъ гимназистовъ Ахиллесовъ, который славился только физи-

ческимъ развитіемъ, былъ грубъ до послѣдней степени и пробивалъ лбомъ классныя двери. Я не говорю о нашихъ идиллическихъ воззрѣніяхъ, о нашихъ мечтаніяхъ съ Робинзономъ Крузо и «Записками охотника» Тургенева въ рукахъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ Д. А. П—скимъ, съ которымъ мы давали другъ другу клятвы посвятить всю свою жизнь странствію въ лѣсахъ и охотѣ. Любовь къ прекрасной природѣ, поэзіи и искусству, самые нѣжные, поэтическіе мотивы души также доступны сибирякамъ. Я видѣлъ проявленіе этихъ чувствъ у сибиряковъ-студентовъ вдали отъ родины. Они питали страсть въ душѣ ко всему прекрасному. Помню задушевные хоры сибирскихъ студентовъ, любовь къ живописи, музыкѣ. И эта любовь иногда вырывалась страстно, внезапно. Я помню одного пріятеля казанскаго студента, который зарыдалъ, кто-бы могъ подумать, отъ пляски цыгана. Если Сибирь дала Ершова, я имѣю основаніе думать, что она когда-нибудь дастъ своего Логнофелло и Купера.

Къ сожалѣнію, впослѣдствіи жизнь стирала эти художественные задатки. Многіе дѣлались практиками-кулаками. Другія художественныя впечатлительныя натуры погибали отъ увлеченій. Припоминаю художественныя натуры старыхъ казанскихъ студентовъ, сколько я знавалъ ихъ. Многіе изъ васъ, товарищи, пропали въ омутѣ жизни безслѣдно, погрязли въ житейской тинѣ, между тѣмъ и у васъ теплилась живая, поэтическая натура. Въ воспоминаніяхъ проходитъ рядъ сибирскихъ буршей, сгубившихъ свои жизни. Часто среди гибели ихъ слышалась пѣсня юности, мелодія прекраснаго и чистаго дѣтства. Мнѣ представляется эта пѣсня, какъ пѣсня несчастной обольщенной Маргариты Фауста, когда она, обезсиленная борьбою и простертая передъ храмомъ, вспоминаетъ свое прошлое, а кругомъ раздаются адскіе звуки, демонскій хохотъ гибели и безнадежности. Но что важнѣе: таже природа заронила въ насъ искры неизмѣнной любви къ нашей родинѣ. Ея трудно не замѣтить въ тоскливыхъ взорахъ сибиряка на чужбинѣ, въ его искренней радости при возвращеніи. Эта любовь составитъ можетъ быть плодотворный элементъ гражданскаго развитія, она дастъ потребность трудиться на пользу несчастнаго края, она привяжетъ къ родинѣ нашихъ юношей, какъ привязала наши сердца и они ни на что не промѣняютъ свою таежную красавицу.

## IV.

Припоминая типы и фигуры нашихъ педагоговъ, очерченные отчасти по воспоминаніямъ товарищемъ Б., къ которымъ не рѣшаюсь болѣе ничего прибавить: я задумываюсь не надъ тѣмъ, способны-ли были эти типы дать представленіе о наукѣ и какъ понимали ее, сколько надъ ихъ злосчастной судьбою.

Въ самомъ дѣлѣ оставить послѣ себя въ воспоминаніяхъ поколѣній только образъ каррикатуры, что можетъ быть печальнѣе. Вѣдь была-же личная жизнь у этихъ людей, было воспитаніе, не гориллы-же это были, это были люди, хотя люди забитые, сбитые съ колеи, истрепанные и заѣденные жизнью: что-же за драматическая судьба окружила ихъ, что измяло, стоптало?....

Послѣ классныхъ кличекъ для всякихъ педагоговъ наступаетъ судъ взрослыхъ ихъ учениковъ и этотъ приговоръ страшнѣе всякихъ школьныхъ насмѣшекъ. Рисунокъ каррикатуры до такой степени безпощаденъ, что я не желаю ничего прибавлять къ нему. Напротивъ, мнѣ желательно-бы было смягчить надъ старыми педагогами горькій приговоръ и пожалѣть ихъ, какъ людей. Смерть давно совершила свое дѣло надъ ними и человѣческое сердце требуетъ надъ погребенными поставить крестъ всепрощенія. Слабый не подготовленный персоналъ педагоговъ съ университетскихъ скамеекъ явился въ глухую, непривѣтливую жизнь провинціи и обстановку 40-хъ годовъ. Это были люди, случайно занесенные въ Сибирь изъ стараго педагогическаго института и изъ старыхъ университетовъ, неуспѣвшіе ознакомиться съ жизнею, люди безъ всякихъ идеальныхъ стремленій, дѣти глухаго безпросвѣтнаго времени эпохи Магницкаго и Шишкова. Многіе передавали намъ воспоминанія о своемъ прошломъ, это также были люди изъ бурсы, семинарій и старыхъ Аракчеевскихъ гимназій, какъ били ихъ и угощали «кокосами», такъ они угощали и насъ. Это была уже общерусская принадлежность воспитанія,—не Богъ знаетъ, чего они видѣли на свѣтѣ. Яковъ Степановичъ, учитель словесности, кромѣ казеннаго пансіона, педагогическаго института ничего не видѣлъ, вспоминалъ онъ, какъ они ходили въ треуголкахъ и отдавали честь офицерамъ, какъ за малѣйшій проступокъ ихъ отдавали въ солдаты на алаондскіе острова, въ университетскомъ корридорѣ стояла пушка, таковы были университетскія воспоминанія. Федоръ Афа-

насьевичъ былъ уроженецъ Оханска Пермской губерніи и учился въ казанскомъ университетѣ; когда онъ явился въ Казань и посѣтилъ базаръ этого большаго города, онъ купилъ себѣ раскрашенный подносъ, который болѣе всего привлекъ его вниманіе, хотя онъ не имѣлъ ровно никакого хозяйства. Это былъ его собственный разсказъ. Нѣкоторые сохранили самыя анекдотическія воспоминанія о своемъ воспитаніи, другіе—казенныя и будничныя. Многіе учителя, явившіеся въ открывающуюся сибирскую гимназію, Богъ знаетъ, попали изъ какого міра, но только не изъ педагогическаго, это были какія-то калѣки, полусумасшедшіе старики. Я. С. Сергіевъ разсказывалъ намъ, что при открытіи томской гимназіи было 3 или 4 учителя. Многіе пожелали сюда, но не являлись. Разъ мы играли въ карты у директора,—разсказывалъ Я. С.,—была поздняя ночь, вдругъ раздается страшный лай собакъ. Мы думали воры. Выйдя на дворъ, мы увидѣли человѣка, влѣзшаго въ подворотню. Онъ былъ въ рваномъ полушубкѣ, небритый и изображалъ изъ себя обитателя трущебъ. Онъ спросилъ директора и вошелъ въ комнату. «Имѣю честь рекомендоваться сослуживецъ», сказалъ онъ и, подойдя къ карточному столу, положилъ на столъ пятакъ, указавъ «вотъ съ чѣмъ дошелъ до Сибири!» Оказывается, что, давно промотавъ деньги, онъ шелъ по пути съ партіей по этапамъ. Таковы были первые педагоги, затѣмъ прибылъ какой-то несчастный ветеранъ Г..... безъ ногъ и на костыляхъ. У учениковъ осталось въ памяти, какъ онъ у дѣтей купцовъ просилъ принести ему изъ лавки миндалю, причемъ разъ доставили ему миндалю горькаго. Воспитанники у него прятали костыли на печку и онъ оставался безпомощнымъ въ классѣ. Далѣе являлись личности, въ родѣ пастора Тецлава, люди ничуть не лучше. Переходили въ гимназію люди изъ военныхъ училищъ, изъ семинаристовъ, въ родѣ учителя грамматики Ивана Гавриловича. Наконецъ, помню надзирателя, прямо изъ вятскихъ мѣщанъ, пробившаго ползкомъ дорогу и извѣстнаго Т—нора, который служилъ то смотрителемъ училища, то переходилъ въ частные пристава и потомъ опять воротился въ гимназію. Кромѣ чудака Тецлава въ гимназіи былъ настоящій помѣшанный Э....., котораго то садили въ сумасшедшій домъ, то онъ опять являлся преподавателемъ. Что можно ожидать отъ такого контингента. Сибирь была съ издавна глухою страною, куда ѣхали люди по нуждѣ и безвыходности и часто такіе люди, которымъ нигдѣ въ Россіи не нахо-

дилось мѣста, т. е. какъ и во многихъ другихъ случаяхъ Сибирь получала бракъ. Явившись въ мѣстную среду съ своимъ казеннымъ запасомъ знаній, безъ всякой силы и вѣры въ свое призваніе, они могли только затеряться и опуститься. Нельзя сказать, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не обладали свѣдѣніями: нѣкоторые изъ нихъ были отличными учениками въ свое время, но они не умѣли эти свѣдѣнія сдѣлать достояніемъ ни учениковъ, ни общества. Напротивъ, они сами постепенно теряли свои знанія, забывали, облѣнивались, усваивали жизнь и привычки невѣжественной среды, опускались до мѣщанской жизни, или спивались и сходили съума. Я. С. Сергіевъ передавалъ о своемъ товарищѣ изъ педагогическаго института, прекрасномъ математикѣ, который, прибывъ, черезъ года два впалъ въ меланхолію и нерешелъ прямо къ запоямъ, при насъ онъ уже таскался по кабакамъ и велъ несчастную жизнь, такъ онъ и погибъ. А—въ учитель латинскаго языка имѣлъ наклонность заниматься даже этнографіей, печаталъ статьи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», но періодически предавался страшнымъ запоямъ и тоже умеръ отъ пьянства. На моихъ глазахъ пріѣхалъ изъ педагогическаго института молодой учитель С—ко, джентельменъ, элегантный, красивый. Когда я пріѣхалъ изъ Петербурга черезъ 3 года, я видѣлъ его въ трактирѣ обрюзгшимъ, опустившимся и пившимъ горькую; скоро онъ вышелъ изъ педагогической среды. Математикъ Ч—рь тоже пилъ горькую. «Кокосъ» не ходилъ по цѣлымъ недѣлямъ въ классъ отъ той-же болѣзни. Припадки Ивана Гавриловича воспроизведены въ посѣщеніи имъ квартиры своекошныхъ, гдѣ его вымазали чернилами (см. воспоминанія Н. Б.). Такъ одна часть опускалась и пила горькую, нѣкоторые, какъ Э....., сходили съума; оставались люди, примирившіеся съ обыденной обстановкой, они переженились на кухаркахъ или простыхъ бабахъ и погрузились въ довольно прозаическую жизнь. Такова судьба была Якова Степановича, Федора Афанасьевича и т. п. Як. Ст. когда-то зналъ порядочно языки, былъ знакомъ съ классиками; Федоръ Афанасьевичъ былъ географъ, знатокъ старины, онъ былъ прекрасный разсказчикъ, но всѣ достоинства и знанія куда-то испарились. Сначала еще обнаруживались какія-то потуги къ занятіямъ. Ф. А. собиралъ свѣдѣнія о сибирской старинѣ, а Як. Ст. переводилъ стихи изъ Шиллера, но потомъ добрые старики отличались только разсказами анекдотовъ, причемъ Ф. А. передавалъ въ классахъ, какъ пермскій губернаторъ

съ обществомъ катался на масляницѣ, причемъ одна дама на половину провалилась сквозь сани къ общему соблазну, а Я. С. сообщилъ о приключеніяхъ Каліостро, фокусахъ Боско и т. п. Я. С. исключительно вмѣсто преподаванія словесности предавался воспоминаніямъ и анекдотамъ. Онъ не зналъ, куда занесетъ его разсказъ. Было замѣчено, что онъ начиналъ о Николаѣ Угодникѣ, а кончалъ классъ разсказомъ о воробьѣ. Иногда онъ прямо приступалъ—«А вотъ я помню, у насъ въ Рязани.....» Воспитанники его прозвали, наконецъ, «ботолой», погрямушкой, навязываемой коровамъ. Всякая интеллигентность стерлась, науки какъ будто и не существовало. Педагоги потеряли до того уже всякій образъ образованныхъ людей, что перепугались, когда пріѣхалъ въ Томскъ извѣстный литераторъ С. В. Максимовъ описывать Сибирь и каторгу. Я помню, какъ передавалъ намъ въ классѣ Як. Ст. о томъ, что пріѣхалъ петербургскій литераторъ, и что «съ нимъ надо ухо держать востро». По своей наивности онъ сообщилъ, какъ учителя рѣшились устроить на показъ литературный вечеръ, которыхъ никогда не устраивали, они вытащили старыя университетскія диссертаціи и сочиненія, какъ текущія свои занятія; весьма много заботъ составлялъ ужинъ; супъ и пирожное привозили отъ директора изъ другого конца города. Не подозрѣвалъ пріѣзжій литераторъ наведенной паники. Онъ былъ очень добродушный человѣкъ, весело провелъ время, не обращая вниманія на ученыя диссертаціи и, уѣхавъ, печатно принесъ благодарность «за радушный пріемъ, заявивъ, что въ Томскѣ педагоги для объединенія и развитія умственной жизни устраиваютъ литературные вечера». Такъ эти вечера и остались въ одной книгѣ «На Востокѣ». Въ сущности наши педагоги не имѣли никакого интеллигентнаго позыва.

Несомнѣнно, что съ одной стороны на нихъ повліяла глухая жизнь, мертвое общество, отсутствіе всякой связи съ просвѣщеннымъ міромъ, во-вторыхъ, ихъ собственная натура далеко не была настолько упругою, чтобы противустоять средѣ. Она не поднималась надъ обыкновеннымъ уровнемъ общества купцовъ и сибирскихъ чиновниковъ. Воспитаніе не дало имъ внутренней силы, знанія ихъ были формальныя и тотчасъ-же были отложены въ сторону, какъ дѣлали и мы послѣ экзамена, вѣры въ какое-то другое призваніе и духовный высшій интересъ жизни былъ недоступенъ имъ. Бѣдные, они умерли слѣпцами у подножія того идеала, который могъ согрѣть

ихъ жизнь и спасти ея. Я всегда задумывался, почему наше учащее сословіе не представляло выдающагося, руководящаго элемента въ обществѣ и не было представителями интеллигентной жизни и приходилъ всегда къ публицистскому выводу, что безъ умственной жизни въ самомъ обществѣ, безъ мѣстной литературы, общественнаго интереса даже ученые люди хирѣютъ и опускаются вмѣстѣ съ обществомъ. Не могу не вспомнить, однако, двухъ, трехъ личностей изъ учителей, заслужившихъ наши симпатіи по ихъ мягкости и гуманности. Одинъ былъ законоучитель отецъ Ѳеодоръ, мужчина высокаго роста, геркулесовскаго сложенія, но мягкій и добрый до слабости. Воспитанники никогда не учили для него уроковъ и онъ не имѣлъ духу никому поставить дурную отмѣтку; я не знаю, была-ли эта кротость плодъ его христіанскаго благочестія и смиренія или результатъ душевной мягкости; кажется, послѣднее. На всѣ наши шалости и дикое бѣсованіе онъ отвѣчалъ мягкимъ упрекомъ. Слабостями другихъ учителей пользовались и насмѣхались, но къ отцу Ѳедору всѣ питали любовь и уваженіе. Къ сожалѣнію, я узналъ, что и его жизнь кончилась несчастнымъ образомъ, онъ кончилъ меланхоліей и помѣшательствомъ.

Другою симпатичною и мягкой, гуманной личностью явился для насъ добрый Павелъ Михайловичъ К—, художникъ академіи, пріѣхавшій учителемъ рисованія. Онъ никогда не выходилъ изъ себя, никого не преслѣдовалъ и на самыя неистовыя выходки отвѣчалъ всегда съ мягкой улыбкой и легкимъ укоромъ: «ахъ, господа! господа!» Тѣмъ не менѣе онъ развилъ во многихъ страсть къ рисованію, онъ былъ самъ страстный художникъ. Доброта подобныхъ людей покоряла насъ скорѣе и лучше всякихъ экзекуцій, пинковъ и крика «на колѣни». Мнѣ кажется, что природная мягкость, терпѣніе и нѣжность сердца должны быть непремѣнною принадлежностію педагога, дѣти инстинктивно отличаютъ добрую натуру отъ злой. Какимъ контрастомъ подобнымъ характерамъ былъ, напримѣръ, учитель французскаго языка Пр—ій, человѣкъ бѣшеный, холерикъ, который выходилъ изъ себя и разъ нанесъ ударъ большимъ перстнемъ на рукѣ въ лицо воспитаннику, такъ, что его окровавилъ. Но повторяю, за каррикатурными и уродливыми чертами старой гимназіи скрывалась распускающаяся жизнь, здѣсь была дѣтская радость и свѣтлыя минуты, горячая юношеская дружба, преданность; здѣсь развернулись впервыя лучшія чувства души и билось горячее молодое

сердце. Какъ не мрачно было кругомъ въ педагогическомъ мірѣ, какъ не была безотвѣтна и холодна среда его, не отвѣчавшая на любознательность проснувшагося ума, но вѣдь нѣтъ на свѣтѣ такого подвала, такого пондемоніума, гдѣ-бы жизнь человѣческая не искала развитія. Наша молодая душа также искала жизни и свѣта. Были и у насъ даровитыя силы, чуткія души. Мы видѣли на своемъ вѣку, какъ распускались эти силы, какъ дали плодъ и можемъ сказать: не бездарна была и наша природа, не горько безплодна была почва нашей земли! Гдѣ эти силы нашли удовлетвореніе?... Какъ здѣсь совершилось исканіе жизни? Этотъ моментъ пробужденія нашего сознанія, нашихъ духовныхъ силъ я также желалъ-бы напомнить старымъ товарищамъ!

Тянувшіяся къ свѣту вѣтви молодаго дерева выходили все-таки наружу, жизнь прорвала и нашла себѣ дорогу, мрачная среда, ея уродливыя и жесткія стороны, ужасныя экзекуціи бурсы, потоптаніе человѣческаго достоинства, грубость и жестокость педагоговъ къ нѣжной дѣтской натурѣ не могли подавить человѣческой жизни и убить душу. И вотъ, когда такъ или иначе выходъ этотъ былъ найденъ, когда лучи яркаго солнца обогрѣли нашу жизнь, когда мы видѣли другой міръ, съ его иной обстановкой, съ его человѣческими стремленіями, драматической борьбой, съ служеніемъ идеѣ и идеалу человѣчества, когда такой міръ человѣческой, братской любви осѣнилъ нашу душу, мы можемъ уже иначе смотрѣть на наше прошлое существованіе. Мы съ горечью вспоминаемъ темный подвалъ, гдѣ прозябали сѣмена жизни, но наше вниманіе останавливаетъ не столько та сумма неблагопріятныхъ условій, которая могла задавить жизнь, сколько то, гдѣ при этихъ мертвящихъ условіяхъ подземныя сѣмена находили себѣ живительные и жизненные соки, чтобы окончательно не погибнуть. Безъ проклятія и ненависти мы относимся къ старой, темной средѣ. Человѣкъ, вышедшій даже изъ тюрьмы, не питаетъ къ ней болѣе ненависти. Проклятіе къ прошлому безсильному—нанести болѣе вредъ безполезно: здѣсь важны только уроки для будущаго.

Прежде, чѣмъ безповоротно осудить прошлое и съ гордостію воскликнуть, что мы никогда къ нему не возвратимся, надо быть увѣреннымъ, что современная система воспитанія освободилась отъ старыхъ традицій, что педагогія вышла на новую дорогу, что новыя заведенія ничего не имѣютъ общаго со старыми, что дѣтскій умъ и любознательность находитъ нынѣ полное себѣ удовлетвореніе, что

между учителемъ и ученикомъ исчезли недовѣрія и существуетъ только миръ, любовь и взаимное уваженіе. Если все это такъ,— тѣмъ лучше. Намъ остается сказать только: да расцвѣтетъ юная жизнь нашихъ поколѣній въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, пусть не коснется ихъ горькая судьба нашего воспитанія и «да минуетъ васъ эта чаша, отравляющая насъ!»

## V.

Старая добрая гимназія, не тебѣ было суждено съ твоими педагогами развить въ насъ жажду знанія, пробудить умъ и сердце. Это выпало на долю другихъ обстоятельствъ. Всепоглощающая страсть знанія, пробужденіе, проникающее въ молодую душу, иногда приходитъ внезапно, откроетъ очи, охватитъ, очаруетъ умъ, заставитъ клокотать кровь, осмыслитъ жизнь, засвѣтитъ внутри огонь неугасаемый. Откуда возьмется оно? Богъ знаетъ, но оно придетъ, придетъ къ молодому поколѣнію, какъ женихъ къ своей невѣстѣ: «Се женихъ грядетъ во полунощи!» скажетъ эта невѣдомая сила.

Среди лѣнивой казенной обстановки заведенія ученіе и знаніе изъ казенныхъ книжекъ весьма туго прививались къ намъ, не смотря на внѣдреніе его Павломъ Антоновичемъ въ сторожкѣ, внушительнымъ постукиваньемъ Федора Афанасьевича по кулаку, аллегорическое напоминаніе о внѣдреніи и пробужденіи въ насъ совѣсти педагогами съ помощью «болвановъ, язвъ, олуховъ, пентюховъ,ословъ и ослятъ». Чѣмъ далѣе мы учились, тѣмъ учебникъ терялъ болѣе привлекательности, онъ истрепывался, исчезали чертежи, цифры, но не впрокъ, они просто исчезали, какъ ненавистные предметы изъ міра дѣйствительности. Мы становились все лѣнивѣе и этотъ недостатокъ не поправила даже философская тема заданнаго Яковомъ Степановичемъ сочиненія: «Прилежаніе изощряетъ способности».— Способности не изощрились. Способный Н. Н. Наумовъ*) вышелъ изъ 3-го класса гимназіи, не смотря на то, что обладалъ блестящей памятью въ разсказахъ по исторіи. Онъ получалъ по этому предмету 5, не заглядывая въ учебники, но на остальномъ совершенно отрицательныя величины. Я забывалъ уже пріобрѣтенныя до гимназіи знанія французскаго языка. Какъ лѣнивыя животныя, кое-какъ мы перебирались изъ класса въ

*) Н. Н. Наумовъ нынѣ извѣстный писатель, авторъ многихъ очерковъ народнаго быта.

классъ. Но въ то время, когда казенная наука ровно не давала намъ ничего, въ насъ пробудилась страсть къ чтенію и любознательность. У моего отца была большая библіотека съ журналами и лучшими произведеніями литературы съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Жуковскимъ, Державинымъ и т. д.; читая самъ, понемногу я сдѣлалъ ея гимназическимъ достояніемъ, таская книги Н.—и моему другу П—кому—выпрашивали и многіе другіе. Когда я пробавлялся беллетристикой, П.—читалъ уже критическія статьи и напалъ на безъименныя статьи Бѣлинскаго. Странно, что Яковъ Степановичъ никогда намъ не передавалъ объ его существованіи. Н. поглащалъ массу книгъ, повѣстей, романовъ, выйдя изъ гимназіи и сидя дома. Скоро у насъ образовался литературный кружекъ. Я велъ дневникъ, записывалъ дѣтскія воспоминанія и началъ упражняться въ стихахъ. Н. подражалъ то Брамбеусу, то Гоголю; П—скій—Тургеневу. Помню, какъ мы сбирались и читали свои произведенія и припоминаю, какъ меня обидѣлъ ядовитый Наумовъ, написавшій стилемъ Брамбеуса, который его въ это время увлекалъ,—злую критику на какое-то мое стихотвореніе. Но истинное пробужденіе ума и души явилось позднѣе. Мы мужали и достигали высшихъ классовъ. Пробивался пухъ на верхней губѣ, голосъ сталъ мужественнѣе, въ глазахъ была то загадочная задумчивость, то вспыхивалъ огонь. Я думалъ уже объ университетѣ, но меня тянула внѣшняя сторона его жизни, грезилось товарищество, какая-то веселая буршеская жизнь. А между тѣмъ въ Россіи уже кипѣла новая жизнь: пятидесятые года выступали въ полномъ блескѣ. Чуялось обновленіе, шумѣла журналистика, но до насъ ничего не доходило. Только Степанъ Ивановичъ (сухой, но дѣльный учитель исторіи) приходилъ въ классъ, восторгаясь англійскими порядками. Онъ былъ, повидимому, поклонникъ тогдашняго «Русскаго Вѣстника», что, однако, не колебало въ его глазахъ авторитетъ Устрялова. Что касается Якова Степановича, какъ учителя словесности, то его безмятежная душа, принося новый «Современникъ», не подозрѣвала даже, что это Современникъ новый, а не старый Пушкинскій, который онъ привыкъ видѣть. Онъ не подозрѣвалъ, что въ критикѣ творится что-то новое и обыкновенно развертывалъ хроники Панаева подъ псевдонимомъ «Новаго поэта» и, услаждаясь описаніями петербургской жизни, дивился, что явился какой-то новый поэтъ. Но въ жизни кругомъ вѣяло чѣмъ-то другимъ, въ высшіе классы гимназіи какъ-то

проникъ Бѣлинскій. Степанъ Ивановичъ, явившись разъ въ классъ, точно осѣненный вдругъ задалъ вопросъ, какъ мы думаемъ объ одномъ весьма извѣстномъ, но покойномъ авторитетѣ. Мы молчали. И Степанъ Ивановичъ провозгласилъ торжественно, что это былъ «дуракъ!» Это была неожиданность—комментатора новыхъ явленій еще не было. Но этотъ провозвѣстникъ новой жизни долженъ былъ явиться и онъ явился. Онъ произвелъ переворотъ въ міросозерцаніи, познакомивъ съ тѣмъ, что творилось въ Россіи и произвелъ переворотъ не въ одномъ во мнѣ. Желая сохранить послѣдній годъ въ гимназіи, я отдавался мечтамъ, лежа на диванѣ и куря папиросу за папиросой. Я рисовалъ себѣ уже университетъ и студентовъ, которые являлись въ моемъ воображеніи въ клубахъ табачнаго, товарищескаго дыма съ веселой улыбкой на лицѣ, съ безпечностью юности, съ пламеннымъ сердцемъ дружбы, съ ихъ удалью, весельемъ и т. д. Разъ эти мечты были прерваны дѣйствительностью. Моя мать по возвращеніи моемъ изъ гимназіи сообщила мнѣ новость, что у нея былъ пріѣзжій студентъ университета, явившійся въ городъ учителемъ, онъ просится къ намъ на квартиру и когда получилъ свѣдѣнія, что я собираюсь тоже въ университетъ, то пожелалъ познакомиться. Это заставило тревожно биться мое сердце, какъ студентъ изъ Петербурга и будетъ жить у насъ, разскажетъ, что меня ожидаетъ, откроетъ нѣкоторую прелесть будущаго!... Я началъ ждать этого свиданія съ нетерпѣніемъ. Онъ условился переѣхать къ намъ въ нижній этажъ дома на квартиру. Прійдя изъ гимназіи, я его увидѣлъ послѣ обѣда. Когда онъ вошелъ къ намъ, я, съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, осмотрѣлъ его. Это былъ высокій молодой человѣкъ, весьма стройный, немного сутуловатый, что не уменьшало его большаго, внушительнаго роста; большая курчавая голова, открытое лицо, нѣсколько вздернутый носъ, на которомъ были очки, самоувѣренный быстрый взглядъ, увѣренная насмѣшка на губахъ и чуть замѣтная бородка производили пріятное, располагающее впечатлѣніе. Онъ былъ въ учительской формѣ съ сакъ-вояжемъ, трубкою въ рукахъ и въ оригинальномъ кашнѣ. Могу сказать, что общее впечатлѣніе было вполнѣ оригинально. Это былъ Н. С. Щ., ему-то и суждено было сдѣлаться нашимъ героемъ юношества. Многіе помнятъ его подвижную фигуру, энергическую рѣчь, пламенную проповѣдь, его рѣзкіе приговоры всему отживающему, запасъ новыхъ общечеловѣческихъ идей, которыя онъ

вынесъ изъ тогдашняго университетскаго круга, тѣхъ надеждъ, съ которыми онъ познакомилъ насъ и которыми жила тогда Россія, ждавшая освобожденія крестьянъ и своего обновленія. Студентъ Щ. подвижной, неугомонный Рудинъ по натурѣ, студентъ въ душѣ, человѣкъ, искавшій дѣятельности и прозелитовъ новаго ученія, упалъ къ намъ точно съ неба. Отъ него мы узнали впервые, что переживала Россія. Цѣлый потокъ свѣта осѣнилъ наше созианіе, заставилъ волноваться кровь, трепетно биться сердце. И въ самомъ дѣлѣ эпоха была исторически великая, вдохновенная, открытіе для нашей души слишкомъ внезапное, наша тьма была слишкомъ неприглядна, а тутъ еще свѣтъ и притокъ цѣлой массы европейскихъ идей, о которыхъ мы не слыхали. Мы въ первый разъ услыхали о прогрессѣ, о человѣческомъ братствѣ, о лучшихъ стремленіяхъ человѣчества. И если одно открытіе Бриссо потрясало націи, если идеи эти шевелили европейскіе умы, то могли-ли мы остаться къ нимъ равнодушными. Мы были дѣти русскаго общества дальней семьи, его глухой стороны, для которой былъ неизвѣстенъ цѣлый міръ. На насъ хлынуло все разомъ: европейская жизнь, исторія и идеи, волновавшія Европу полвѣка. Руссо и Вольтеръ, Дидро и Даламберъ, Кондорсе все для насъ было ново, все это разомъ вторглось къ намъ, какъ и въ жизнь Россіи. Матеріалъ былъ громадный для мысли, онъ долженъ былъ потрясти и создать цѣлое міросозерцаніе. Мы узнаемъ цѣлый рядъ мыслителей и учителей человѣчества. Мы узнаемъ, что для Россіи также доступно счастіе, что въ ней предвидится великая работа и мы также имѣемъ участіе въ ней, какъ будущіе студенты и будущіе граждане. Какже не забиться было отъ этого юношескому сердцу. Щ. принесъ вѣсти объ обновленіи университетской науки и литературы. Въ первый разъ съ жадностію и съ восторгомъ мы узнали великія имена Вессаріона Бѣлинскаго, Гроновскаго, Пушкина, Лермонтова; ихъ гражданская скорбь, ихъ ранняя гибель получили для насъ новый смыслъ. Золотыя звѣзды всходили на горизонтѣ новой литературы. Въ это время уже показывался Добролюбовъ и Щ. былъ его однокашникомъ сначала въ педагогическомъ институтѣ. Мы открывали и слѣдили, что писалось объ освобожденіи крестьянъ. Нашъ новый знакомый передалъ о работѣ редакціонныхъ комитетовъ, о готовящемся уничтоженіи цензуры. Онъ знакомилъ съ послѣдними событіями и волненіями петербургскаго міра. Богъ знаетъ, откуда

онъ добывалъ новости и новыя книги. Мы проводили цѣлыя ночи въ бесѣдѣ и поглощали новую литературу. Щ., безпрестанно суетившійся, искавшій поклонниковъ, друзей и учениковъ, скоро сгруппировалъ около себя весьма разнородный кружекъ. И съ кѣмъ онъ только не перезнакомился и молодые ученики гимназіи, барышня, мечтавшая о педагогической дѣятельности, отставной смотритель училища—60-ти лѣтній старикъ, но философъ и оригинальный умъ, «замѣчательный самородокъ» Д.—человѣкъ замѣчательнаго ума и развитія, ссыльный Б.—европейская знаменитость и тутъ-же, какой-нибудь полуграмотный поэтъ, стихи котораго понравились Щ. и онъ спѣшилъ ихъ отправить къ Добролюбову. Самъ Щ. пописывалъ въ газеты и готовилъ какую-то громовую статью въ «Искру». Временами онъ устраивалъ литературные вечера и пельмени, которые носили студенчески безцеремонный характеръ. Но дѣло было не въ самомъ Щ.,—онъ часто отдавался забавнымъ иллюзіямъ и разочарованіямъ. Его знакомство дало толчекъ и матеріалъ нашему уму. Предъ нами сверкалъ въ будущемъ настоящій свѣтъ жизни и науки. Иногда страстный трепетъ, подъ вліяніемъ прочитаннаго, охватывалъ все существо. Внечатлѣнія ложились живо и ярко. Иногда гражданскіе восторги и чувства наши были искренни и неподдѣльны.

Я нашелъ друзей своихъ обновленными, исчезъ мрачный байроновскій взглядъ на жизнь у Н., братья С. толковали о новыхъ вопросахъ и сбирались въ университетъ, угрюмый оживился, бродилъ какъ въ туманѣ добрый мой П. Всѣ мы нетерпѣливо ждали выѣзда въ университетъ. Всѣ думали объ одномъ: и состоятельные юноши, и бѣдняки, почти нищіе, которымъ одинаково открывался свѣтъ разума и свободы. Такъ проходилъ этотъ годъ, лучшее время надеждъ. Самыя лучшія чувства, самые свѣжіе гражданскіе восторги были пережиты въ это время и волненія и думы, проклятія старому и благословенія новому, слезы, накинѣвшія въ дѣтской груди, смѣнялись дѣтскою улыбкою надежды, вѣра въ грядущее, любовь безконечная, пламенная любовь къ человѣчеству, ко всему несчастному и обойденному, вѣра въ народное счастіе согрѣвали въ сердцѣ, какъ основа будущей религіи, какъ залоги жизни.

## VI.

Я помню, мы пріѣхали въ столицу въ половинѣ 1860 года. Это было время радостныхъ надеждъ и упованій передъ освобожденіемъ крестьянъ. Я не могу прервать на этомъ пунктѣ свои воспоминанія о гимназіи и сотоварищахъ-томичахъ, такъ какъ въ университетѣ мы встрѣтились въ новой обстановкѣ и зажили иначе.

Актъ нашего самосознанія совпалъ съ великимъ актомъ пробужденія русской жизни. Мы помнимъ это время и не можемъ не отмѣтить его. Не умолкъ еще гулъ послѣдняго пушечнаго выстрѣла на крымскихъ поляхъ, пороховой дымъ слался и не успѣлъ разсѣяться, когда надъ русскою землею всходило солнце, солнце новой жизни и обновленія. Оно встрѣтило насъ, когда изъ дальней нашей родины мы явились въ университеты въ концѣ 50-хъ годовъ и началѣ 60-хъ, когда всѣ ожидали освобожденія крестьянъ.

Трудно передать этотъ моментъ русской жизни и состояніе русскаго общества, оно скорѣе запечатлѣно въ чувствахъ, въ смутныхъ грезахъ и образахъ, чѣмъ поддается сознанію и опредѣленнымъ воспоминаніямъ. Прежде всего какъ-то особенно чувствовалось—по весеннему, вездѣ была весна и въ воздухѣ, и въ сердцѣ, какой-то гулъ шолъ по Руси, слышался повсюду живой, открытый, нестѣсненный говоръ, точно сразу люди были выпущены откуда-то и заговорили отъ полноты души и торопились высказать все, что наболѣло на душѣ, что скрывалось, но чувствовалось. Чего-то всѣ ждали? Всѣхъ охватывалъ этотъ трепетъ ожиданія чего-то хорошаго, счастливаго. Переживалось нѣчто необыкновенное, что не переживалось ни до, ни послѣ этого. Не было кругомъ давящаго кошмара, не было ощущенія робости и рабскаго трепета, почти паническаго страха, воспитаннаго съ дѣтства, который проникалъ до глубины прежде русскаго человѣка, сжималъ душу и вѣчно заставлялъ скрывать собственные помыслы. Каждый вдругъ сталъ говорить: «могу», «хочу» и всѣ почувствовали, что холодный трепетъ болѣе не охватываетъ организма, ничто не сжимаетъ горла. Всѣмъ дозволено было жить и мыслить, и говорить какъ чувствуется. «Такъ Царь хочетъ» — говорили кругомъ,— и все шипящее мгновенно замолкало, а все хотѣвшее жить открывало душу. И дѣйствительно русское общество свободно, безбоязненно дышало въ эти минуты. Его окружалъ тотъ воздухъ, который

нѣжилъ, ласкалъ и вызывалъ всѣ силы, всю мощь души. Подъ вліяніемъ его вышло все наружу, каждый спѣшилъ исповѣдаться, какъ на духу, каждый высказывалъ завѣтнѣйшія мысли, это было какъ-бы начало освобожденія мысли, разума. Это былъ моментъ пробужденія всего русскаго общества.

Утѣшительныя вѣсти и новости разносились повсюду, чуялись ожиданія чего-то торжественнаго, великаго, высоко поднимались кубки, братски сливались уста въ поцѣлуѣ, крѣпко и трепетно жались руки въ этомъ ожиданіи, а кругомъ шолъ гулъ колоколовъ, точно христовской заутрени.

Петербургскій университетъ тогда представлялъ учрежденіе, какое другимъ поколѣніямъ уже не суждено было видѣть. Я не говорю о блестящемъ и талантливомъ составѣ профессоровъ, оставившихъ имя въ исторіи русской науки, и въ исторіи русской литературы. Кавелинъ, Костомаровъ, Сухомлиновъ—будущій академикъ, Спасовичъ, Пыпинъ входили въ составъ профессоровъ того времени. Достаточно вспомнить даровитыя лекціи покойнаго Н. И. Костомарова, на которыя стекался весь Петербургъ, чтобы понять то влеченіе и обаяніе, которое имѣлъ тогда университетъ для общества и студентовъ. Намъ не забыть никогда нубличнаго чтенія Н. И. Костомарова, когда университетская зала была наполнена 2500 человѣками и все это гудѣло отъ восторга и экстаза, не забыть публичныхъ диспутовъ съ Погодинымъ, когда Н. И. Костомарова студенты выносили на своихъ рукахъ. И это было не одно торжество университета: ликовало общество, общество просвѣщенныхъ людей Петербурга, вся интеллигенція, мало того даже аристократическіе салоны были прикованы и увлечены жизнью университета. «Студенты» было почетное имя и они гордо подняли голову. Солидарность между профессорами и студентами была полная, у студентовъ сохранялось глубокое уваженіе къ авторитету знанія, профессора дружески относились къ студентамъ и руководили ими, принимая часто ихъ къ себѣ въ домъ.

Я помню этихъ благородныхъ руководителей нашихъ, которые уяснили намъ силу знанія, открыли намъ новые горизонты, дали вѣру, напитали нашу душу сознаніемъ идеала и научили находить величайшее наслажденіе и утѣшеніе въ области духа и идеи, несмотря на всѣ превратности. 25-ть лѣтъ спустя въ Петербургѣ, будучи писателемъ, я встрѣтилъ ихъ такими-же, и жалъ въ умиленіи руку

старцевъ, положившихъ лучшіе залоги жизни въ наше сердце. И съ Н. И. Костомаровымъ и К. Д. Кавелинымъ я бесѣдовалъ, когда они кончали вѣкъ, но были бодры умомъ и духомъ, я говорилъ съ ними о судьбахъ моей родины. Тотъ и другой были истинными друзьями областнаго возрожденія, разумѣя въ немъ поднятіе духовныхъ и гражданскихъ силъ всего народа. Мнѣ суждено было хоронить ихъ и бросить послѣдній комъ земли и послѣднія цвѣты.

Представивъ слабую картину этого времени и положенія университета, я предоставляю судить, что должны были перечувствовать мы, сибиряки, явившіеся изъ своихъ дальнихъ захолустьевъ. Приникнувъ къ общей студенческой жизни въ университетѣ, мы встрѣтили земляковъ изъ Тобольска, Иркутска и друг. мѣстъ Сибири, томичей въ мое время было немного въ Петербургѣ—2 или 3, только послѣ понаѣхали. Въ Москвѣ также было мало, въ Казани было болѣе.

Университетъ соединилъ всѣхъ насъ и томичей, и тоболяковъ, и красноярцевъ, и иркутянъ въ одну семью. Перезнакомившись, мы стали жить, какъ братья, мы почувствовали стремленіе соединиться въ группу и это былъ первый сибирскій кружокъ; до тѣхъ поръ закинутые въ столицу земляки жили разрозненно, они затеривались, исчезали, многіе погибали. Я помню блестящаго математика Сидорова, кажется изъ томскихъ казаковъ, котораго мы впослѣдствіи присоединили къ своему кружку, онъ тосковалъ, ранѣе впалъ въ меланхолію, почти доходилъ до сумасшествія, чувствуя себя одинокимъ. Другой даровитый томичъ, не помню фамилію, живя въ нуждѣ, простудился и умеръ.

Когда мы соединились, то были связаны уже воспоминаніями о родинѣ. Всѣ сибиряки инстинктивно чувствуютъ эту связь, она лежала безсознательно въ ихъ душѣ.

Такая-же безсознательная любовь проникала и насъ, но когда мы развивались, когда другой воздухъ окружилъ насъ, когда страстное біеніе жизни коснулось и насъ, то мы не могли не проникнуться болѣе сознательнымъ отношеніемъ къ судьбѣ нашей родины. Когда все жило общественными вопросами русской жизни, русскаго народа, когда такъ мечталось, такъ вѣрилось и мысль высоко парила въ грядущемъ, могли-ли мы не подумать о своемъ забытомъ краѣ, съ которымъ связаны были рожденіемъ, родствомъ, всѣми нашими

симпатіями. Вотъ въ это-то время въ молодомъ кружкѣ товарищей-земляковъ появилась мысль о служеніи нашей родинѣ, о возвращеніи домой. Доселѣ большинство окончившихъ курсъ въ университетахъ не думали возвращаться и избирали выгодныя мѣста внѣ родины. Ихъ не влекло сюда ничто, они съ содроганіемъ вспоминали невѣжественное общество, отсутствіе умственной жизни. Лучшія образованныя силы, ученые, таланты уже не возвращались болѣе на родину. Мы поняли тогда, что такое абсентизмъ.

Абсентизмъ! какое это ужасное слово. Разлука съ родиной! какое это противуестественное чувство, не даромъ этотъ абсентизмъ вызываетъ досаду, причиняетъ боль души, не даромъ мы, отданные интересамъ нашего края, давно чувствовали его вредныя послѣдствія. Сколько лучшихъ образованныхъ силъ нашей земли исчезли благодаря ему, сколько цвѣтовъ мысли и чувства дали плодъ на другихъ поляхъ, когда собственная нива была пуста и земля ея не давала желаннаго ростка.

Всякій день выходилъ сѣятель на ниву, всякій день бросалъ зерно жизни, ожидая всхода и жатвы, но птицы и вѣтеръ уносили это зерно далеко, далеко. Зрѣлъ, наливался и золотился колосъ, покрывая пажити въ счастливой странѣ, но не у насъ. Съ нѣмымъ отчаяніемъ пахарь приходилъ на свою опустошенную ниву, всякій день онъ ломалъ себѣ руки и тощей грудью ложился на землю, упитывая, безумный, ее слезами, но нива была не умолима.

Солнце пекло эту пустыню, какъ Сахару, почва томилась и иссыхала, а живительная влага источниковъ, стремясь, гдѣ-то подъ землею вѣчно уносилась вмѣстѣ съ драгоцѣнными минеральными элементами, удобряя другія пажити. А вѣдь здѣсь можетъ быть была,—да и навѣрное была «соль земли».

И, видя это, мы возроптали, мы, чью голову впервые осѣнилъ лучъ сознанія; и ради блага нашей родины, мы рѣшились именемъ любви и пощады нашей землѣ убѣдить не разставаться съ нею образованныя лучшія силы. Это добровольное удаленіе съ родины нашихъ образованныхъ людей при скудости ихъ мы заклеймили даже въ своемъ кружкѣ отступничествомъ; пылкіе и горячіе мы давали клятвы возвратиться на родину, служить ей беззавѣтно и, окончивъ или не окончивъ курсъ въ университетѣ, возвратились назадъ домой не случайно, но вполнѣ сознательно.

Нельзя сказать, чтобы эта мысль и влеченіе были напускны. Нельзя сказать, что они появились только у насъ. Уже нашъ поэтъ Ершовъ (авторъ Конька Горбунка), какъ видно изъ біографіи, написанной Ярославцовымъ, въ университетѣ мечталъ воротиться для гражданскаго служенія Сибири и обмѣнялся какимъ-то таинственнымъ кольцомъ съ своимъ товарищемъ. Извѣстный историкъ Сибири Словцевъ, хотя и ранѣе, чѣмъ желалъ, попалъ въ Тобольскъ на родину, но сталъ горячимъ патріотомъ здѣсь, работая цѣлую жизнь надъ исторіей нашего края. Его книга написана стариннымъ витіеватымъ слогомъ, но въ ней можно открыть до селѣ страницы, исполненныя теплаго сыновняго чувства, слова восторженности, умиленія или грусти надъ судьбою любимаго края. Стало быть, это чувство естественно и неизбѣжно, когда наступаетъ сознаніе.

Наша гражданская проповѣдь и примѣръ были слишкомъ слабы предъ силою вещей, и не могъ увлечь всѣхъ учащихся, нашъ голосъ былъ ничтоженъ для большинства знавшаго цѣну себѣ и своимъ способностямъ. Орлята и ястребята клялись вмѣстѣ съ нами не покидать роднаго гнѣзда, а потомъ также свободно парили въ небесахъ, какъ свойственно ихъ природѣ. Добрые и прекрасные юноши говорили пламенныя рѣчи объ абсентизмѣ и спокойно оставались въ столицѣ, получая доктора правъ и дѣлаясь адвокатами и профессорами. Ахъ, алмазы и бриліанты издавна оставляютъ пустыни Бразиліи и Капской земли, золото Калифорнію, табакъ Гаванну и даже эмигрируетъ кайянскій перецъ. Всё это такъ обыкновенно. Эндосматъ и эксдасмасъ, выдѣленіе, высасыванія, столь свойственные природѣ, дѣйствуютъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе разнствуютъ тѣла, приходящіяся въ соприкосновеніе по своему составу. Соціальные законы не уступаютъ физическимъ, когда одну страну окружаютъ мракъ и невѣжество, а другую свѣтъ, понятно — стремленіе изъ первой въ послѣднюю. И чѣмъ положеніе одной страны безнадежнѣе, тѣмъ притягательная сила ко второй будетъ сильнѣе. Абсентизмъ это драконъ цивилизаціи, это желѣзный промышленный законъ рынка. Онъ такъ безпощаденъ, что сама жертва придумаетъ себѣ остроумную теорію и воспоетъ себя въ чревѣ китовомъ. Притяженіе къ центру, центростремительность и центробѣжность, развѣ это не законъ вселенной. Перевертываться туда, гдѣ насъ больше грѣетъ, развѣ это не свойство живаго тѣла. Влеченіе къ рынку, гдѣ цѣна

на способности выше, развѣ это не законъ политической экономіи.*) Такъ и наша интеллигенція, разставаясь съ родиной, всегда находила себѣ оправданіе. Несомнѣнно одно, что это явленіе было плодомъ не личной воли, но плодомъ цѣлой совокупности экономическихъ и соціальныхъ причинъ. Поэтому если отливъ образованнаго класса существовалъ безсознательно, то тотъ-же законъ не могъ измѣниться, когда мы начали приходить въ сознаніе. Несомнѣнно, что наша культура и складъ жизни представлялъ слишкомъ много противоположностей другимъ мѣстамъ, что-бы не допускать существованія и расцвѣтанія образованнаго класса на нашей почвѣ, гдѣ ему не зачто было укрѣпиться своими корнями. Наше положеніе отъ этого сознанія не стало ни на волосъ легче. Проповѣдь юныхъ пророковъ во имя родины замолкала, а факты жизни только открывали картину, какъ жизнь награждала тѣхъ, кто не слѣдовалъ этому правилу. Роскошь и почести были удѣломъ тѣхъ, кто не думалъ объ этой химерѣ юности. Желѣзный соціальный законъ съ своимъ экономическимъ круговоротомъ совершалъ свое дѣло и его безпощадное дѣйствіе, его сила проявлялась, тѣмъ болѣе, онъ охватывалъ нашу ниву, тѣмъ шире, чѣмъ болѣе мы пребывали въ застоѣ, а другая жизнь прогрессировала, контрасты жизни выступали рельефнѣе, наша почва понижалась, а сосѣдній берегъ повышался, нашъ горизонтъ становился мрачнѣе и жизнь находилась въ застоѣ, а въ другихъ мѣстахъ въ центрѣ, въ столицахъ жизнь совершенствовалась. Поэтому естественно нашимъ силамъ было стремиться къ ней. И вотъ мы становились еще бѣднѣе. Чѣмъ болѣе росъ человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ не выдерживалъ нашей почвы, предъ нимъ или разверзалась пропасть, или волна невидимой силы выкидывала его вонъ.

У насъ не создавалось интеллигенціи, а безъ интеллигенціи не создавалось общественной жизни, общественныхъ стремленій, общественнаго тепла и свѣта, чѣмъ красенъ Божій міръ. Но тоже отсутствіе умственной жизни не удерживало, не привлекало и не укрѣпляло интеллигенціи. Словомъ это былъ cercle vicieuxr нашей жизни. И такъ шло время, также бушевали вѣтры пустыни, тотъ-же самумъ смерти носился надъ нею и сила желѣзнаго закона не ослабѣвала.

*) Я могъ-бы по этому поводу напомнить споръ, возникшій въ 1880—81 гг. между г. Мордовцевымъ, указывавшимъ силу этого закона и провинціальной печатью, защищавшей областное возрожденіе и децентрализацію, споръ, въ которомъ и я участвовалъ.

Самымъ драматическимъ эпизодомъ въ исторіи нашего абсентизма явился, однако, тотъ моментъ, когда неожиданно и негаданно тотъ-же жребій обрушился не на однихъ тѣхъ, кто пассивно повиновался ему и даже отъ него выигрывалъ, а и на тѣхъ, кто всѣми силами старался укрѣпиться на родинѣ и сопротивлялся неумолимому закону притяженія къ центрамъ.

25-ть лѣтъ спустя, я къ немалому изумленію своему встрѣтилъ внѣ Сибири вдругъ группу друзей моей юности и университетскихъ товарищей и именно всѣхъ тѣхъ, кто болѣе всего любилъ свою родину и для которыхъ не было ничего ужаснѣе, какъ разстаться съ нею, я встрѣтилъ ихъ выкинутыми судьбою, обстоятельствами, изъ края на чужбину; какъ это случилось, я не разспрашивалъ. Мы грустно улыбнулись другъ другу.

Они видимо были поражены неожиданностью выпавшаго на ихъ долю жребія. Въ то время, когда по пасмурному небу неслись темныя тучи, кричали дикія вороны и молніи зловѣщими зигзагами прорѣзывали небо, они стояли вдали отъ берега, отъ котораго отнесли ихъ волны и у подножія невскихъ скалъ устремляли жадные взоры въ любимую даль. Съ болью въ груди, съ ноющимъ сердцемъ они походили на тѣни Дантова ада, въ безмолвныхъ мукахъ они протягивали руки и ожидали отъ бѣгущихъ волнъ отвѣта на неразгаданный вопросъ ихъ жизни. Ихъ глаза, ихъ томительные взоры говорили, какъ пламенно и глубоко они любили, что видѣть имъ не суждено. «За что-же?» но темныя волны вздымались мрачными чернѣющими фонтанами и не давали отвѣта. Кто-то изъ нихъ выразилъ въ стихахъ свою тоску:

Какъ тяжко умирать
Безвременно въ дали,
И мутнымъ взоромъ не найти
Кругомъ родной земли.

## VII.

Другая идея, которая проникала въ сердца и составляла предметъ размышленій въ нашемъ студенческомъ кружкѣ,—это была будущность и судьба нашей родины, нашей отдаленной окраины. Видя, какъ было всё оживлено, какъ всё искало дѣла, примѣненія силъ, слыша страстныя рѣчи о народѣ, о долгѣ гражданскаго служенія, мы не могли

не перенестись мыслями къ нашей родинѣ и не задуматься объ ея будущемъ. Мы представляли ее въ настоящемъ пустынную бѣдную и убогую,—нарядною и богатою въ будущемъ; невѣжественную—образованной, усѣянной школами; вмѣсто несчастной, слышавшей только звонъ цѣпей и проклятія ссыльныхъ, мы рисовали себѣ ее населенною, свободною, жизнерадостною и ликующею, мы назвали эту страну страною будущаго, прежде чѣмъ этими словами началъ книгу мой другъ профессоръ Петри «Sibirien ist ein Zukunftsland!.» Мы мечтали о счастливой будущности новаго дѣвственнаго края, подобно Америкѣ и Австраліи, перечисляли неистощимыя ея богатства, рисовали ее въ будущемъ виднымъ міровымъ рынкомъ, царицей Азіи. Широкія историческія перспективы открылись нашему духовному взору и мы старались изукрасить шолкомъ и бархатомъ, золотомъ и изумрудами нашу любимицу. Мы восторгались мечтою своею, сладко замирало сердце, высоко парило воображеніе. Кто не испыталъ мечтаній въ юности, этихъ грёзъ волшебныхъ и обольстительныхъ, сладкихъ, какъ сны ребенка, которыя впослѣдствіи стирала горькая дѣйствительность?

Мысль о сибирскомъ университетѣ, помню, приводила особенно въ восхищеніе нашъ кружокъ, болѣе другихъ развивалъ эту мысль и былъ ея фанатикомъ несчастный томичъ Сидоровъ. Онъ носился съ этой мечтой и считалъ ее какъ будто своей собственностью. Скоро она сдѣлалась нашимъ общимъ достояніемъ; мы горячо говорили объ этомъ въ кругу товарищей. Мы начинали свои литературныя работы статьями объ университетѣ. Объ университетѣ писалъ покойный другъ нашъ С. С. Шашковъ, Потанинъ и другіе; я началъ свои первыя литературныя работы «статьей объ университетѣ» въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1864 г.; написана была эта статья или рѣчь для публичнаго чтенія, состоявшагося въ Омскѣ,—въ 1863 г. Я помню конецъ изъ этой горячей статьи, написанной съ пыломъ молодости и оканчивавшейся словами, полными вѣры: «Сибирскій университетъ будетъ и будетъ.» Такъ зарождались въ эмбріонѣ тѣ идеи, которымъ посвящено было все служеніе нашей жизни и 30-ти лѣтняя защита этого вопроса въ печати, пока мы не дождались радостнаго дня открытія университета въ 1888 г.

Сначала мы не мечтали, что университетъ будетъ въ Томскѣ: созданіе его предполагалось въ Иркутскѣ, но мы одинаково любили лелѣять

мечту о немъ, гдѣ-бы его не создали. Я не желаю здѣсь говорить о томъ, какое я лично принималъ участіе въ этомъ вопросѣ во время 25-ти лѣтней борьбы, за осуществленіе любимой идеи, а борьба эта была не легкая. Я горжусь тѣмъ,что мы, томичи, участвовали въ печати и въ обществѣ, содѣйствуя осуществленію этого высшаго образовательнаго учрежденія, которое подниметъ духовную и гражданскую жизнь Сибири и будетъ можетъ быть началомъ новой эры.

Вѣяніе литературы, ея огромное значеніе для русскаго общества въ періодъ возрожденія не могло остаться безъ слѣда. Мы читали лучшихъ публицистовъ, это было время, когда журналъ разрѣзывался жадно и его прочитывали въ первыя сутки. Чувствуя значеніе печатнаго слова, понимая всю важность его въ общественномъ развитіи, мы уже юношами мечтали о своей газетѣ въ Сибири, объ изданіи памятныхъ книжекъ, альманаховъ. Мечтѣ этой суждено было сбыться впослѣдствіи. До тѣхъ поръ литературныя работы сибиряковъ были раскиданы по разнымъ журналамъ.... Въ нашемъ маленькомъ кружкѣ сибиряковъ въ 60-хъ годахъ, благодаря увлеченію литературой, появились и литераторы: иркутяне: — Щукинъ, Ѳедоровъ-Омулевскій, С. С. Шашковъ, западные сибиряки: — Потанинъ, а затѣмъ томичи — Наумовъ, Кущевскій. Мы не говоримъ о выпущенныхъ въ это время даровитыхъ медикахъ, какъ иркутскій Н. А. Бѣлоголовый, тоболяки-братья Черемшанскіе (старшій изъ нихъ извѣстный психіатръ), М. Я. Капустинъ, профессоръ варшавскаго, нынѣ казанскаго университета. Въ Казани гремѣлъ нашъ землякъ, даровитѣйшій историкъ Щаповъ, а въ Петербургѣ восходила звѣзда Менделѣева. Наши силы, дарованія нашей земли несомнѣнно просыпались, все показывало, что

Небездарна та природа,
Не ногибъ еще нашъ край.

Но пробужденіе такой отдаленной страны не совершается сразу. Какъ всегда, идеализмъ молодости и мечты о будущемъ опережали дѣйствительность. Проживъ молодой періодъ мечтаній, мы должны были начать трудную работу въ области дѣйствительности, мы должны были шагъ за шагомъ бороться съ предубѣжденіями противъ нашего края, съ старыми взглядами, мы встрѣчали массу разочарованій, осужденій и даже насмѣшекъ. Даже люди образованные часто не понимали, зачѣмъ нуженъ Сибири университетъ. Когда правительство обратило свой взоръ на окраины и начало рядъ улучшеній

жизни, въ сознаніе русскаго общества проникла мысль, что здѣсь также существуетъ гражданское общество, нуждающееся въ нравахъ, какія даны и другимъ поддаинымъ. Но прежде, чѣмъ разсѣялся мракъ и даже иностранцы стали смотрѣть на нашу окраину иными глазами*), прошли года; нужно было многое испытать, преоборотъ прежде, чѣмъ начало осуществляться то, что составляло завѣтное желаніе нашей жизни. Но, не смотря на все протекшее, несмотря на то, что многія подробности событій нашей жизни исчезли изъ памяти, все-же не могу не вспомнить перваго пробужденія нашего сознанія. На этомъ я оканчиваю свои юношескія воспоминанія.

Много съ тѣхъ поръ пришлось пережить. Скоро вслѣдъ за 60-ми годами небо заволокло тучами, мы разсыпались, но пріобрѣтенные нами инстинкты и впечатлѣнія на долго сохранялись. Мы почувствовали любовь къ нашей родинѣ и она соединила насъ. Товарищески встрѣчались мы на нашихъ путяхъ и братски цѣловались, вспоминая прошлое. Многіе измѣнились, иные погибли въ водоворотѣ жизни и были ею раздавлены. Бѣдный Щукинъ потерялъ разсудокъ. Наши товарищи: Федоровъ-Омулевскій и Кущевскій, умерли, удрученные злымъ недугомъ и нищетою въ дали отъ родины. Но многіе совершили трудную работу жизни, вѣрные себѣ, вѣрные живымъ впечатлѣніямъ юности. Великая драма жизни прошла предъ нашими очами, міръ великихъ идей былъ доступенъ нашему пониманію. Гармонія чистыхъ чувствъ была доступна душѣ, лучшіе природные порывы были ею испытаны. Наше поколѣніе первое увидѣло дальніе абрисы береговъ грядущаго. Въ нашей жизни они отдалялись, но идеалы, разъ запечатлѣнные въ душѣ, влекли насъ неотразимо чрезъ бурныя волны. На нашу долю выпало испытать и порывы восторга, и мрачную бездну разочарованія: темная ночь часто окружала наше существованіе и міровая скорбь, и безсильная тоска за будущее грызли душу. Нужны были великія силы перенести это. Великія страсти и разочарованія выпадали на долю нашему несчастному поколѣнію. Тяжелая историческая эпоха выпала на долю нашего существованія.

*) Возрѣнія на Сибирь въ послѣднее время измѣнились и за-границей. Свидѣтельствомъ тому—статьи и книги на нѣмецкомъ языкѣ профессора Петри, «Mittelungen» журналъ Петермана давно писалъ о сибирскомъ университетѣ. Даже во французскихъ изданіяхъ и газетахъ появляются статьи, смотрящія на Сибирь уже съ новой точки зрѣнія. (Journal le Paris 1888 г. Les Russes en Sibèrie).

Но есть надежда, что это существованіе для нѣкоторыхъ не прошло безслѣдно. Въ лабораторіи жизни, можетъ быть, останутся слѣды горячаго труда, глубокихъ думъ, святыхъ чувствъ, глубокой вѣры, связывающей въ одно міровое существованіе прошлое и будущее. Разъ пробудившаяся жизнь продолжала бить ключемъ. Лампа, разъ зажженая, горитъ тихимъ пламенемъ, и воспоминанія вѣчно живутъ въ сердцѣ.

Скоро опустѣетъ храмъ, вмѣщавшій міръ идей и лучшихъ желаній, умолкнутъ струны, издававшія звуки, горячее сердце перестанетъ биться, исчезнетъ жилецъ, но въ оставленной комнатѣ все будетъ напоминать его существованіе, какъ-бы онъ не оставлялъ ея. Развернутая книга съ недочитанной еще страницей, недоконченная рукопись, перо на полу. Въ комнатѣ темно.

«Сброшенная лампа, три раза очертивъ
Блестящій кругъ по воздуху, упала!.....»

Но въ комнатѣ еще слышно вѣяніе жизни, несется звукъ, какъ-бы прощальная пѣсня Альдоны, а на окнѣ благоухаетъ букетъ цвѣтовъ, лучшихъ цвѣтовъ молодости!...

22 Іюля 1888 года.
Иркутскъ.

**Н. Ядринцевъ.**